

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1

И. А. Голованов
*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск*

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ И ЛЮБВИ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»

Аннотация: Статья посвящена проблеме художественного осмысления счастья и любви в рассказе А. Платонова «Река Потудань». Автор реконструирует фольклорно-мифологический контекст произведения, раскрывает символизм взаимоотношений героев Платонова через проникновение в художественный мир писателя.

Ключевые слова: рассказ-притча, художественный мир А. Платонова, фольклорно-мифологический контекст, символизм.

I. A. Golovanov
*South Ural State Humanitarian and Pedagogical
State University, Chelyabinsk*

THE PROBLEM OF HAPPINESS AND LOVE IN THE STORY BY A. PLATONOV "THE RIVER POTUDAN"

Annotation: *The article is devoted to the problem of artistic understanding of happiness and love in the story of A. Platonov "The river Potudan". The author reconstructs the folklore and mythological context of the work, reveals the symbolism of the relationship of Platonov's characters through the penetration into the artistic world of the writer.*

Keywords: *story-parable, art world, folklore-mythological context, symbolism.*

Есть темы, которые не исчерпывают себя. Одной из самых загадочных является тема счастья и любви. Единство и сложность человеческой сущности проявляется в целом ряде ее компонентов, определяющих жизнь и судьбу людей [1].

А. Платонов с первых своих художественных и публицистических произведений обращается к вопросу о человеческом счастье и к определению места в нем любовных взаимоотношений. Рассказы А. Платонова о любви кажутся однотипными, с повторяющимися сюжетными ходами, фабульными переключками и открытыми финалами. Вместе с тем в них присутствуют притчеобразность, метафоричность и предельный символизм, сочетающиеся с «простой», воспроизводимой из судьбы в судьбу «правдой жизни». Почему любящие друг друга люди не могут быть счастливы? Какое счастье (личное или общественное) может быть целью и смыслом жизни? Суть душевной жизни

в мире А. Платонова – любовь как жизненная сила; жизнь в его произведениях постигается через свою крайность – смерть, поэтому смерть благодатна, привлекательна, неотразима, как и сама любовь.

Многие художественные идеи 1920-х годов вновь будут востребованы А. Платоновым в 1930-е годы. Это будет и возврат, и продолжение, и переосмысление (подробнее см. [3; 4]). Время первой любви прошло. Пришел опыт. Любовь-творчество требует от человека его всего без остатка – до любви-самоотречения, до смерти. Рассказ А. Платонова «Река Потудань» с первых своих строк определяет фольклорно-мифологический контекст читательского восприятия. Название реки лишь на первый взгляд дает реальную географическую координату места действия: Воронежская губерния, правый приток реки Дон, образованный из слияния мелких речек в пределах Нижне-девицкого и Коротоянского уезда [9]. На самом деле в этом названии содержится предельное обобщение русской и мировой истории: «по народному преданию, до границ этой реки монголы взымали дань, откуда будто и название «потудань», – пишут авторы-составители самого известного энциклопедического словаря дореволюционной России.

Русская история демонстрирует постоянную необходимость защиты от внешних врагов: половец, печенегов, монголов и прочих, а в мировом масштабе этому соответствует вечная схватка добра и зла, порядка и хаоса, мира живых и мира мертвых. Солдаты мировой войны добра и зла возвращаются домой: «Они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей...» [7, с. 425]. Изменения коснулись и души, и тела, но главное – «они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас стала идеей их пока еще небольшой жизни...» [там же]. «Великая всемирная надежда» была связана с тем, что пролетариат должен построить не только социалистическое общество, но и нового человека. И вот «накануне вечного счастья» в начале 1920-х годов начинается действие платоновского рассказа – как своеобразная попытка решения художественной задачи проверки социального эксперимента по строительству справедливого общества гармонии и счастья всех и каждого.

Эта сверхзадача ставится на жизненном материале судьбы бывшего красноармейца Никиты Фирсова. «Это был человек лет двадцати пяти от роду, со скромным, как бы постоянно опечаленным лицом, – но это выражение его лица происходило, может быть, не от грусти, а от сдержанной доброты характера либо от обычной сосредоточенности молодости. Светлые, давно не стриженные волосы его опускались из-под шапки на уши, большие серые глаза глядели с угрюмым напряжением в спокойную, скучную природу однообразной страны, точно пешеход был нездешний» [7, с. 426]. И решается указанная задача через упразднение конфликта «двух начал – организующей общественности и индивидуалистического анархизма», анализу которого А. Платонов отдал должное в

своих ранних рассказах [3].

Таким образом, перед нами еще одна попытка в новых исторических обстоятельствах ответить на вечный вопрос, в чем смысл жизни, что есть счастье вообще и в пореволюционную эпоху, в частности.

Никита Фирсов, герой «с обмершим, удивленным сердцем» [7, с. 425], возвращается до-мой. Он из тех людей, чья душа «переменилась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы». Теперь они наполнены «великой всемирной надеждой, которая <...> стала идеей их пока еще небольшой жизни, не имевшей ясной цели и назначения до гражданской войны» [7, с. 425–426]. Они возвращаются «к своей и общей жизни». Традиционно любовь противопоставляется смерти и ненависти, у Платонова же из ненависти и смерти вырастает любовь. Женщина в осмыслении писателя – вечная загадка. Тяга к женщине непонятна и странна: желанная и чужая, близкая и далекая, проходящая мимо и неожиданно останавливающаяся возле. Так, Никита Фирсов стал для Любы матерью или отцом, но не му-жем. С любовью у героев Платонова связано страдание и жалость. Любовь как символ пока-зывает связь любви с огнем, а ненависти – с мо-розом (постылый), писал А. Потебня. Русские бабы говорят «жалеть» вместо «любить», заме-чал Владимир Соловьев (цит по: [6, с. 355-356]). По словам В. В. Колесова, «русский народ зна-ет, что смысл жизни не только в бытии, но и в быте, и он знает, как соединить их» [6, с. 356].

Судьба героя рассказа А. Платонова не зна-ет ни своего начала, ни конца, она дается в сум-ме причин и следствий «личных» и «обществен-ных» судеб, как произвольно выбранная часть, линия жизни, которую герой должен прожить, и, если в нем слиты воедино смыслы существова-ния всех, – прожить достойно. Впечатление чи-тателя от первых страниц повествования: немно-гочисленные персонажи в условном, фольклор-но-сказочном пространстве, где есть не-сколько семантически выделенных точек. Две семьи: вдовец, три его сына и вдовая учительница, у кото-рой сын и дочь. Два уклада, два дома, свои бытовые особенности, предпочтения, интересы. Всё в прошлом, мало что сохранилось, и, может быть, потому, что не было достойного продол-жения в новой жизни. Не всем и не всему там, в новой социальной реальности, будет место. Та-кова цена (социального эксперимента) револю-ции, которую, прежде чем принять, писатель хо-чет понять, объять мыслью и прочувствовать.

Все устарело, все стало маленьким и скуч-ным, все просит перемен, покраски и ремонта: «Затем Никита обошел весь знакомый, родной город, и у него заболело сердце от вида уста-ревших, небольших домов, сотлевших заборов и плетней и редких яблонь по дво-рам, многие из которых уже умерли, засохли навсегда» [7, с. 429]. «Чужая тьма» стоит в окнах того дома, куда Никита когда-то ходил в гости с отцом.

Итог прогулки по городу печален: город без «огней», все тихо, кругом «чужая тьма». Жизни нет, но жить надо: «надо будет подумать <...>, как жить дальше и куда поступать на работу» [7, с. 430]. Обыденная сюжетная ситуация: вдова с дочерью, ветхий дом,

смирение, все просит за-боты и любви.

Жизнь в городе зарождается и теплится на главной улице: «Но редко кто шел в унынии, раз-ве только вовсе пожилой, истомленный человек. Более молодые обычно смеялись и близко гля-дели в лица друг другу, воодушевленные и до-верчивые, точно были накануне вечного счастья» [7, с. 431]. Именно здесь происходит нечаянная встреча героев – Никиты и Любы. У них много общего (излюбленный прием А. Платонова дать буквальное, зримое представление языковой метафоры). Герои выросли, стали большими: «Никита встал перед отцом, он был теперь выше его головы на полторы» [7, с. 428], «большая, выросшая Люба остановилась и смотрела в его сторону», у нее «живое, выросшее, но бедное тело» [7, с. 431]. Оба сохранились «в целости» [там же], оба с душой: «Ему приснился странный сон, что его душит своею горя-чей шерстью ма-ленькое упитанное животное, вроде полевого зверька, откормившегося чистой пшеницей. Это животное, взмокая потом от усилия и жадности, залезло спящему в рот, в горло, стараясь про-браться цопкими лапками в самую середину его души, чтобы сжечь его дыхание. Задохнувшись во сне, Фирсов хотел вскрикнуть, побежать. Но зверек самостоятельно вырвался из него, сле-пой, жалкий, сам напуганный и дрожащий, и скрылся в темноте своей ночи» [7, с. 426]. Спа-сение мира есть спасение души: «Ее чистые гла-за, наполненные тайною душою, нежно глядели на Никиту, словно любовались им» [7, с. 431].

Оба героя полны нужды и надежды, оба – в поис-ках смысла жизни: «Она училась теперь в уездной академии медицинских наук <...>; бес-смысленность жизни так же, как и голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце, и надо было понять, что же есть существование людей, это – серьезно или нарочно?» [7, с. 432].

Град грядущий, его нет, нужно его обрести, выстро-ить. Герои еще не имеют социальной оболочки: она студентка, он бывший солдат. Первая встреча после долгой разлуки построена как зеркальное отражение персонажей, их во-просы и ответы – своеобразное эхо друг друга: «Вы меня не помните? – спросила Люба. – Нет, я вас не забыл, – ответил Никита» [7, с. 431]; «Вы теперь не забудете меня? – попрощалась с ним Люба. – Нет, – сказал Никита. – Мне больше не-кого помнить» [7, с. 433].

Наивность, простота и даже прямолиней-ность во-просов и слов, как всегда у А. Платонова, кажущиеся. В них историософия великого писателя, которую в очередной раз он пытается воплотить в судьбах своих персона-жей. Перед нами молодые люди, потомки героев рассказов Платонова начала 1920-х годов, нахо-дящиеся в поисках смысла жизни и счастья [2]. Классическая для русской литературы ситуация, но платоновский разворот особый.

С этой встречи, имеющей символическое значение, встречи-узнавания своей судьбы, начинаются иные испытания героев. Теперь их «борьба» – не со злом и мраком, а с непонима-нием и отсутствием смысла жизни.

Правда жизни для любящих проста: строи-тельство

семьи, рождение и воспитание детей как продолжение и умножение всего лучшего и доброго, что есть в человеке, исполнение свое-го предназначения. Но Никита и Люба – Победитель и Любовь – предстают не во временных трудностях «врастания» в советский быт бывшего красноармейца и «роста» студентки в дипломированного специалиста: «Работать Никита ни-когда не отвыкал <...>. Война ведь пройдет, а жизнь останется, и о ней надо было заранее по-заботиться» [7, с. 434]. У них трудности, связанные с неспособностью быть Человеком. Неслучайно их личное общение происходит в период ночной темноты, лишь свет из печи позволял им ощутить уют домашнего быта.

Умерший (как человек) на войне герой любит умирающую, теряющую жизненные силы, угасающую Любовь, как мог бы «искренно полюбить» другую девушку, подругу Любы – больную, горячую Женю, «если б узнал ее раньше и если бы она была немного добра к нему» [7, с. 435]. Он окружает Любу своей заботой, которая, скорее, может быть названа родительской: «топил печь», «приносил ужин» и т.д. Так продолжалось после смерти любимой подруги до «теплой осени»: «Никита по-прежнему ходил к Любе на квартиру, чтоб помочь ей жить и самому в ответ получать питание для наслаждения сердца» [7, с. 437].

Незнание жизни, неумелость, неуместность – вторая сторона героя по фамилии Фирсов, в семантику которой входит представление о человеке, «мешающем, приводящем в беспорядок» [8]. Крайняя степень сомнения в своем выборе настигает героя накануне болезни: «Никита поспешил уйти к отцу, чтобы там укрыться, опомниться и не ходить к Любе несколько дней подряд. «Я буду читать, – решал он, – и начать жить по-настоящему, а Любу забуду, не стану ее помнить и знать. Что она такое особенное – на свете великие миллионы живут, еще лучше есть! Она не красивая!» [7, с. 438].

Сумрак и темнота временно одерживают верх, и Никита впадает в беспамятство, в морок, который позволяет писателю дать череду символических картин: герой видит «потолок и двух поздних предсмертных мух на нем, приютившихся греться там для продолжения жизни, а потом эти же предметы стали вызывать в нем тоску, отвращение, – потолок и мухи словно забрались к нему внутрь мозга, их нельзя было изгнать оттуда и перестать думать о них все увеличивающейся мыслью, съедающей уже головные кости» [7, с. 438]. Однако важнее оказывается интуитивное обретение истины, которое, как известно, идет «от земли», а сама «истина относится к уму и разуму» [5, с. 60], что оставляет надежду на открытие истины уже в реальности: «Никита закрыл глаза, но мухи кипели в его мозгу, он вскочил с кровати, чтобы прогнать мух с потолка, и упал обратно на подушку: ему показалось, что от подушки еще пахло материнским дыханием – мать ведь здесь же спала рядом с отцом, – Никита вспомнил ее и забылся» [6, с. 438–439].

«Материнское дыхание» – спасительный «запах» детства, этот иррациональный момент возвращает героя на путь жизни, где нет места для «темноты равнодушного рассудка» [7, с. 439]. Так обретается мудрость

жизни как единства чувственного и рассудочного. Мудрый, по В. И. Далю, – «основанный на добре и истине, праведный, соединяющий в себе любовь и правду» [5, с. 355].

Приговор извозчика, нанятого Любой для спасения Никиты: «Не жилец народ живет!» – напоминает задачу на постановку знака препинания («Казнить нельзя помиловать»).

Люба знает свое предназначение, знает своего суженого, как Феврония Муромская. Брак – это духовное единство. Кажется, что Любе удалось вылечить Никиту от тяжелой болезни и от сомнений. Герои возвращаются к обычному образу жизни – учеба, работа, встречи, расставания. Во время совместных зимних прогулок молодые люди через тайны реки Потудань постигли законы Природы, обнаруживали взаимосвязь человеческой жизни и смерти с природными циклами, переходили из лета в осень, из осени в зиму, а затем ожидали весны, когда «погребенное» сердце Никиты, как и река, освободится ото льда, и они обретут «близкое будущее счастье».

Платонов предупреждает, что к счастью надо готовиться и быть готовым, не то оно как придет, так и уйдет. Другой смысловой уровень этого момента – сопоставление отношений молодых со старшим поколением. Круговорот жизни и смерти, природы и жизни, человека и природы: «На глазах старого столяра жизнь повторылась уже по второму или по третьему своему кругу. Понимать это можно, а изменить, пожалуй, нельзя» [7, с. 442]. Всё, что может позволить отец, это «взять себе побирушку с улицы – не ради семейной жизни, а чтоб, вроде домашне-го ежа или кролика, было второе существо в жилище: пусть оно мешает жить и вносит нечистоту, но без него перестанешь быть человеком» [7, с. 442].

В итоге прочтения платоновского рассказа возникает представление о Вечности, о Жизни, Смерти, о трагедии человеческой судьбы и конфликте поколений, в котором старшее поколение никогда не будет победителем: торжествовать от своей мудрости можно, а победить Время – нельзя.

Список литературы

1. Голованов И. А. *Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов)* / И.А. Голованов, Е.И. Голованова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1 (42). С. 13–24.
2. Голованов И. А. *Своеобразие художественного дискурса Андрея Платонова* // *Вестник Омского университета*. 2012. № 4 (66). С. 215–217.
3. Голованов И.А. *Слово – миф – фольклор в рассказе А. Платонова «Иван Жох»* // *Мир русского слова*. 2012. № 1. С. 41–46.
4. Голованов И. А. *Фольклоризм драматургии А. Платонова (на материале пьесы «Дураки на периферии»)* // *Гуманитарный вектор*. 2012. № 4. С. 23–27.
5. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М: Русский язык, 1989. 779 с.*
6. Колесов В. В. *Русская ментальность в языке и тексте*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.

624 с.

7. Платонов А. П. Река Потудань // Платонов А.П. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. М.: Время, 2010. С. 425-453.

8. Фирс (мужское имя) // Именатор. Режим доступа: <http://imenator.ru/mujskie/imena/firs> (дата обращения 12.11.2018).

9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Б.-Е. 1890–1907. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron (дата обращения 12.11.2018).

References

1. Golovanov I. A. Aksiologicheskie konstanty russoj mental'nosti (na materiale fol'klornyh tekstov) / I. A. Golovanov, E. I. Golovanova // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2015. № 1 (42). S. 13-24.
 2. Golovanov I. A. Svoeobrazie hudozhestvennogo diskursa Andreya Platonova // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012. № 4 (66). S. 215–217.
 3. Golovanov I. A. Slovo – mif – fol'klor v rasskaze A. Platonova «Ivan ZHoh» // *Mir russkogo slova*. 2012. № 1. S. 41–46.
 4. Golovanov I. A. Fol'klorizm dramaturgii A. Platonova (na materiale p'esy «Duraki na periferii») // *Gumanitarnyj vektor*. 2012. № 4. S. 23–27.
 5. Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 2. M: Russkij yazyk, 1989. 779 s.
 6. Kolesov V.V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 624 s.
 7. Platonov A. P. Reka Potudan' // Platonov A.P. Schastlivaya Moskva. Oчерki i rasskazy 1930-h godov. M.: Vremya, 2010. S. 425–453.
 8. Firs (muzhskoe imya) // Imenator. Rezhim dostupa: <http://imenator.ru/mujskie/imena/firs> (data obrashcheniya 12.11.2018).
- Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. SPb.: B.-E. 1890–1907. Rezhim dostupa: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron (data obrashcheniya 12.11.2018)